

СОФИ БОМОН

КУЛИНАРНАЯ
ШКОЛА
В ПАРИЖЕ

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
Б87

Sophie Beaumont
THE PARIS COOKING SCHOOL

Перевод с английского *Дарьи Судавной*

Дизайн обложки *Валерии Кольшиевой*

- Бомон, Софи**
Б87 Кулинарная школа в Париже : роман / Софи Бомон; [пер. с англ. Д. Судавной]. — М. : Издательство АЗБУКА, 2025. — 384 с. — (Горячий шоколад. Зарубежная коллекция).

ISBN 978-5-389-28975-8

Ах, Париж! Город, в котором вспоминаешь, как любить.

Кейт это нужно как никогда – после разрыва с мужем она чувствует, что почва уходит из-под ног. Габи, угодившей вдруг в творческий кризис, тоже нужно вернуться к себе, – какой же она художник, если совсем не может писать? Обеим в голову приходит одна и та же идея: записаться в знаменитую кулинарную школу, где научат всем премудростям настоящей французской кухни, чтобы не только развеяться, но и погрузиться в изысканную гастрономическую культуру этой страны.

Однако у владелицы школы Сильви дела идут не так хорошо, как хотелось бы: загадочные недоброжелатели явно пытаются подорвать ее репутацию, оставляя сомнительные отзывы в Сети и натравливая на ее бизнес проверки...

Но ведь они в Париже! Городе любви и тартов с клубникой. А значит, все непременно наладится, даже если сперва перевернется с ног на голову.

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-28975-8

- © Sophie Masson, 2023
© Судавная Д., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

Глава первая

Доля секунды. Этого оказалось достаточно. Один взгляд в сторону, и красный кожаный чемодан со всем его содержимым исчезли. Габи даже мельком не успела увидеть вора. Что ж, он, должно быть, расстроится, когда изучит свою добычу. Конечно, чемодан выглядел дорого — потому что дар бурного прошлого года таковым и являлся, — но в нем хранились только потрепанный рабочий айпад Габи, лишенный любой полезной ворами информации, почти пустой скетчбук с парочкой изрисованных и перечеркнутых страниц и новый набор карандашей, которые ей на прощание подарили семилетние племянники-близняшки. Она жалела только о потере карандашей. Все остальное служило лишь напоминанием, нареканием, старым напевом, без которых она могла обойтись.

Допив остатки крепкого кофе, Габи закинула рюкзак на плечи и поднялась. Северный вокзал был переполнен людьми, перемещающимися во всех направлениях, эхом разносились громкие, сбивающие с толку объявления. Ранее

утром в «Евростаре», отбывающем из Лондона, болтливая соседка предупредила Габи, что этот оживленный вокзал еще называют Центральным воровским и что ей нужно глядеть в оба. Она вежливо кивнула, думая о том, что вряд ли представляет собой заманчивую цель. Рюкзак у нее был древний, а паспорт, банковские карты и вся наличность, оказавшаяся у нее на руках, были запрятаны в поясной сумке, которую она носила под джемпером. Красный кожаный чемодан, очевидно, занимал так мало места в ее мыслях, что она даже не подумала позаботиться о нем. А теперь, когда она покинула здание вокзала и зашагала по загроуженной улице, ей показалось, что это был знак. Чемодан испарился, как и ее бремя...

Да брось. Будь реалисткой, Габи. Чемодан, может, и пропал, но Та Вещь не исчезнет так легко. В эту секунду она поймала изумленный взгляд прохожего и поняла, что начала говорить вслух. *«Великолепно. Теперь ты говоришь сама с собой на людях»*. И воображаешь, будто воришка с вокзала — орудие судьбы. Она могла бы добавить эти пункты в растущий список постыдных вещей. В него уже входило, например, сказать своему агенту, что она «решила противостоять диджитал-отвлечениям» и не только отключит все соцсети, но и вообще будет недоступна. Или сообщить своей семье, что ее местный номер предназначен для использования только в экстренных ситуациях и ни в коем случае не может быть передан кому-то еще. Или, наоборот, не сказать никому, ради чего на самом деле была задумана эта поездка или что с ней происходило. Прятаться, изворачиваться, хитрить, обманывать, притворяться... Прежняя Габи никогда ничего подобного бы не сделала. *«Но я больше не тот человек, и не знаю, смогу ли когда-нибудь снова им*

стать», — подумала она, когда на нее нахлынула невысказанная тревога, ставшая слишком ей знакомой. Что, если бы все наконец было кончено, и она...

«Прекрати. Сосредоточься. Теперь ты в Париже, — строго приказала она себе, пробираясь по запруженным улицам. — И тебе этот город очень нравится, хотя твой отец высмеял бы тебя и сказал, что Париж — всего лишь территория, над которой ты пролетаешь по дороге в его обожаемую страну Басков¹». Мысль заставила ее улыбнуться, впервые за этот день. Хорошо. На четыре недели она собиралась забыть обо всем и сконцентрироваться на своем пребывании здесь, на тех занятиях, которые не будут вызывать у нее тревогу, на чем-то, что не будет иметь ничего общего с ожиданиями на ее счет. Это стало бы спасением. Настоящим спасением.

Габи сделала глубокий вдох и тут же чихнула. И снова. Она остановилась, достав платок и высморкавшись, прежде чем снова чихнуть, и чих перешел в смех. Ну вот, теперь еще и сенная лихорадка, да сколько можно! И неудивительно. Достаточно взглянуть на эти деревья на улицах, на которых почки вот-вот набухнут — нет, скорее, *бабахнут* — и распустятся. Количество пыльцы в воздухе, должно быть, зашкаливает. И сейчас в апрельском Париже оказалось теплее, чем можно было подумать. В Лондоне стояла прохлада, и Габи оделась соответственно. А теперь она начала потеть из-за тяжелого рюкзака, надетого поверх ее стеганой куртки. Она стянула верхнюю одежду и сунула ее в рюкзак. Откинув с лица выбившиеся пряди ровно

¹ Автономное сообщество на севере Испании, а также части Франции, где проживает баскский народ.

остриженных черных волос, она обратилась к карте в телефоне. Черт возьми, до отеля еще прилично. Ей следовало сесть на метро, а не выходить с Северного вокзала с высоко поднятой головой, словно какая-то королева драмы. Ну что ж. *«Так тебе и надо, ворчунья»*, — подумала она, приладив лямки рюкзака, и продолжила путь.

* * *

Сумка Кейт билась о каждую ступеньку, пока женщина поднималась по лестнице. Она решила выйти на станцию раньше, чтобы как следует осмотреть свое новое место обитания. К тому же долгий перелет, потом поездка на поезде, а затем — на метро из аэропорта оставили ее оглушенной и дезориентированной. Ей нужно было на свежий воздух, чтобы перезапустить биологические часы. Ей нужно было убедиться, что она действительно в Париже, а не в бесконечной дороге по продуваемым сквозняками туннелям, платформам и залам аэропортов, которые, в общем-то, могли находиться в любой части света.

Ступив на улицу из полутемной подземки, она ощутила блаженное потрясение от красок, запахов и звуков. Стоял прекрасный полдень, небо окрасилось в глубокий синий, и на его фоне сияли дивные старые здания из светлого камня; деревья были усыпаны белыми и розовыми соцветиями, мягкий воздух благоухал; на улице за столиками кафе сидели люди, болтая и смеясь, и никто из них не надел в тот день ничего черного. Только представьте! Затем она услышала мелодичное воркование лесного голубя где-то неподалеку и вспомнила своих родителей, танцующих под старую джазовую песню *«Апрель в Париже»*, которая была

посвящена очарованию весны в этом городе. *«Теперь я понимаю»*, — подумала она. Ее пульс ускорился, и она едва ли заметила пронесшегося мимо раздраженного местного жителя, бормочущего себе под нос что-то о *les touristes*¹. Кейт это не заботило. С головы до пят ее переполняла радость.

Отель был не так далеко, но она не торопилась до него добираться. Здесь было на что посмотреть, и она все время останавливалась, вбирая в себя окружающее великолепие и делая снимок за снимком. Да, она прежде бывала в Париже, однажды. Но это было шестнадцать лет назад, когда ей исполнилось двадцать пять. И она пробыла здесь всего три дня, носясь по городу и осматривая головокружительное количество известных достопримечательностей, таких магнитов для туристов, вроде Эйфелевой башни и Нотр-Дама, Оперы и Елисейских Полей... Это был не ее выбор, она желала замедлиться, увидеть меньше — но и в каком-то смысле больше, чтобы прочувствовать все должным образом. Но, конечно, Джош считал иначе. Он хотел «выполнить» Париж, чтобы иметь право говорить, что он там бывал, вычеркнуть из списка, который готовил так тщательно — все достопримечательности за три дня, — прежде чем они двинутся в следующий «знаковый» европейский город. Ей не хватило мужества сказать ему, что не об этом она мечтала, когда упомянула, что хочет отправиться в Париж. *«Что ж, — подумала тогда она, — мы откусили всего по кусочку, и хотя я по-прежнему жажду большего, у меня еще будет возможность наверстать упущенное, и в следующий раз все будет иначе, я об этом позабочусь»*. Но годы шли, а следующий раз все не наступал...

¹ Туристы (фр.).

До этого дня. И хотя ее путешествие только началось, оно уже казалось другим, похожим на настоящее приключение, берущее свое начало в месте, с которым она собиралась хорошенько познакомиться. От этой мысли ее сердце пропустило удар. На следующий месяц этот район станет ее настоящим домом — и вы только взгляните на него! Здесь находилось кафе, чей навес был увит чарующими шелковыми водопадами цветущей вишни, а на другой стороне улицы небрежно стояли ряды разноцветных велосипедов, которые выглядели так, словно вот-вот сорвутся с места сами по себе. Недалеко небольшая лавочка демонстрировала свои фрукты и овощи, похожие на героев натюрморта, а рядом в своих раковинах лежали устрицы и морские гребешки, приносящие с собой пьянящий запах моря. Чуть дальше по улице цветочный магазинчик хвастался букетами из бледно-фиолетовых роз, казавшимися нереальными, пока к ним не прикоснешься, а соседний бутик выставлял на витрине причудливые подарки и странно-привлекательные предметы. В закоулках скрывались тихие сады, открытые для посещения, между которыми разветвлялись выложенные булыжником дорожки, там же затаились поющие птицы и огромные, фотогеничные двери старых жилых домов. На главной улице она также увидела величественные церкви, странную средневековую башню и великолепный Отель-де-Виль... В переулках стояла тишина, но даже на главной улице движение было спокойным, поэтому было нетрудно перейти с одной стороны дороги на другую и обратно, даже волоча за собой сумку.

Кейт остановилась у кондитерской с соблазнительной витриной: пирожные, словно хрупкие драгоценности, восседали на позолоченных подставках или аппетитно выстраивались гуськом; их названия были выведены тем

витиеватым почерком, который превращал все в нечто восхитительное, совершенное, французское. Но одного «облизывания витрин»¹, как это называли французы, ей было недостаточно, так что она не устояла и зашла в магазин, где купила, несомненно, самый замечательный маленький клубничный тарт из всех, что когда-либо существовали. Она надкусила его там же, а доела уже на улице, испытывая абсолютное блаженство от дивной смеси вкуса, текстуры и аромата: тающие во рту сладкие ягоды, заварной крем с ароматом ванили, маслянистый мягкий бисквит. Это было настоящее совершенство, и когда Кейт закончила, она не смогла удержаться от порыва облизать пальцы.

Через окно кондитерской она поймала удивленный взгляд продавщицы. Кейт лишь улыбнулась в ответ, в ее зеленых глазах заплясали озорные огоньки. Ее нисколько не волновало, что ее застукали за тем, что она ведет себя как ребенок. Она не делала ничего настолько спонтанного уже много лет. Она вообще практически ничего не делала, кроме как плясала под чью-то дудку. Но теперь... Ну, она была там, где должна была быть. Что бы ни произошло, никто не сможет отнять у нее это чувство. Точно не Джош, отправившийся далеко-далеко, в Австралию. В другой мир. Другую жизнь.

Не *ее* жизнь. И в данный момент, к счастью, эта мысль совсем не причиняла боли.

* * *

Сильви сделала еще один глоток своего любимого бургундского пино нуар и снова просмотрела папку, которую

¹ В оригинале — *faire du leche-vitrines*.

подготовила для нее помощница. Свежие продукты уже были заказаны и должны были прибыть завтра рано утром, все договоренности с приглашенными на месяц ведущими были соблюдены, а список учеников — полностью утвержден. Уф. Фух. Последние три недели были настоящим кошмаром, пара брони отменилась, а затем кто-то написал ей на почту и сообщил, что он уже был готов забронировать себе место, но увидел плохой отзыв на сайте *Tripadvisor*, поэтому интересовался, что Сильви могла сказать по этому поводу.

Но Сильви не могла сказать ничего, потому что попросту не знала о существовании этого отзыва. Когда же она нажала на него, то одновременно разозлилась и была озадачена, поскольку было очевидно, что автор — кто бы он ни был — никогда не посещал «Парижскую кулинарную школу». Он упоминал вещи, которые никогда не происходили, и методы работы, которые она никогда не использовала. По совету соседа Сержа — один из его друзей столкнулся с тем же самым — она связалась с *Tripadvisor* и оставила жалобу. Они заверили ее, что плохой отзыв будет удален. И так и произошло. Человек, который колебался, бронировать ли ему место в школе, зарегистрировался, и вскоре после этого было занято последнее свободное место. Так что, в конце концов, все получилось. Но ситуация оставила после себя чувство непроходящей тревоги.

В кабинете Сильви было очень тихо. Он располагался рядом с огромными кухней и столовой с высокими потолками, где пройдут все основные занятия «Парижской кулинарной школы». Прямо сейчас там тоже стояла тишина. Но уже завтра утром все начнется заново, с новым классом, состоящим из восьми учеников. Восемь новых лиц; восемь

новых способов делать дела, восемь взглядов на вещи. Восемь людей, которые станут для нее сложными задачами, но которые к концу четырех недель, как она надеялась, смогут сплотиться и при этом сохранят собственную идентичность.

За те пятнадцать лет, что прошли с тех пор, как Сильви основала «Парижскую кулинарную школу», у нее были сотни таких классов, в каждом из которых встречались несколько жадных до знаний учеников. За эти годы случались и драмы, и столкновения характеров, но также ковалась и крепкая дружба, и даже вспыхнуло несколько романов прямо на рабочем месте. Большинство учеников просто хотели научиться готовить по-французски удовольствия ради, но часть из них пошла дальше и сделала успешную кулинарную карьеру. Самой заметной из ее учениц стала известная кулинарная писательница с собственным телевизионным шоу в США, которая посвятила свою первую кулинарную книгу Сильви и отправила ей экземпляр с автографом. Она по сей день поддерживала с ней связь, как и со многими другими учениками, писавшими ей письма и отправлявшими имейлы, в которых говорили, что месяц, проведенный в школе, стал одним из самых ярких периодов в их жизни. Сын Сильви, Жюльен, который практически вырос в этой атмосфере — ему было всего семь, когда она открыла школу, — сказал, что нет ничего удивительного в том, что они себя так чувствуют: «Для тебя, *татап*¹, это повседневность. Для них — волшебные каникулы *вдали* от повседневности». И он, конечно, был прав. Но позже Сильви поймала себя на мысли, что, похоже, настала пора всему идти своим чередом, как и прежде.

¹ Мама (*фр.*).

Впрочем, сейчас время для этого было неподходящим, как и для того, чтобы как следует обдумать ее непростые отношения с Клодом и тот ультиматум, который она должна была ему поставить, чтобы сохранить самоуважение. Прикончив вино, она вернула список учеников и прочие бумаги в папку, потянулась и встала с места. Она уловила собственное отражение в зеркале, стоящем напротив. Та женщина выглядела невероятно уверенной в себе, в ней чувствовался непринужденный шик — блестящие каштановые волосы, узкие темные брюки и шелковая зеленая рубашка, но женщина, вглядывающаяся в отражение, знала, как сильно зеркало может лгать. Пожав плечами, удивленная собственной неожиданной нарядности, Сильви отвернулась. Взяв пустой бокал, она отправилась на кухню, вымыла и вытерла его, а затем поставила в шкаф. Она осмотрелась. Все было на своих местах. Все было готово. Все ожидало, замерев в предвкушении, когда начнется шум, суета, вопросы и — да, *магия*.

Глава Вторая

Десять лет назад, когда Габи впервые приехала в Париж, она остановилась на Монмартре в переоборудованной мансардной комнате. Тогда она представляла, что это место по-прежнему было пристанищем богемных художников и разочаровалась, обнаружив, что оно было переполнено туристами, особенно в районе Сакре-Кёр. Но она открыла для себя другие, менее популярные местечки на Монмартре, в частности удивительные магазины тканей, которые тянулись по обеим сторонам одной извилистой улочки. Габи провела здесь много счастливых часов, делая маленькие зарисовки в дневнике, а позже раскрашивала их в своей комнате. Другое излюбленное ей место для рисования находилось в мансарде перед окном, из которого она наблюдала крыши, заселенные голубями, и кишашие людьми улицы внизу. Тогда она по-настоящему чувствовала себя частью парижской истории, найдя для себя собственную маленькую, но вдохновляющую роль.

Теперь, десять лет спустя, она стояла здесь, у окна своего нынешнего парижского отеля в квартале Сен-Поль. В юж-

ной части знаменитого района Маре в Париже находился лабиринт из мощеных закоулков, руин средневековых стен и старинных особняков, известных как *hôtels particuliers*¹. Этот уголок отчасти сохранил прежний облик города, существовавший до преобразований барона Османа² в девятнадцатом столетии. Но, несмотря на то что темп жизни здесь был более спокойным и менее умышленно «шумным», чем в прочих кварталах в Маре, Сен-Поль не жил прошлым. Он представлял собой кипучую и оживленную панораму, на которую она смотрела сверху, полную красок и движения. Но в этот раз не будет никакой вдохновляющей эпизодической роли. Никаких вписываний себя в эту историю. Габи не была ее частью; она оказалась вне целого.

Она резко отвернулась. Достаточно. Она проспала, и теперь ей нужно было бежать. На завтрак не оставалось времени. Это само по себе было достаточно тяжелым испытанием, не говоря уже о вгоняющих в уныние «ах, если бы». Габи любила поесть, и при мысли о кофе и круассане ее рот наполнился слюной. Она была в Париже, и ей, конечно, должна была встретиться пекарня по пути. Так и вышло — нашлось очаровательное местечко с нарисованными на стеклянных панелях входной двери сельскими пейзажами в стиле ар-нуво. Минутой позже, торопливо смахивая крошки от круассана с одежды и губ, она стояла у двери жилого здания, в котором расположилась школа. Только тогда она поняла, что оставила дома — телефон, в котором был записан код

¹ Роскошные особняки в черте города, обычно строившиеся для аристократов или богатых буржуа.

² Французский государственный деятель, который по поручению Наполеона III во второй половине XIX века провел в Париже градостроительные работы, во многом определившие нынешний облик города.

от школьной двери, так и лежал на прикроватном столике, куда она положила его прошлым вечером. Покосившись на панель ввода, она попыталась припомнить код. 445AS? Или 554SA? Она попробовала ввести оба, но безрезультатно. Она даже не могла никому позвонить, чтобы еепустили. Кошмар. Ей придется возвращаться за телефоном.

— *Ça va?*¹ — Голос, раздавшийся позади нее, заставил ее подпрыгнуть. Обернувшись, Габи увидела мужчину примерно ее возраста, около тридцати или вроде того, высокого, с волнистыми светло-каштановыми волосами, загибающимися у ушей, и глазами такими темными, что они казались почти черными. Одетый в кожаную куртку поверх футболки и джинсы, он нес большую плоскую деревянную коробку. Прежде, чем она успела спросить, он добавил по-английски: — Вы в Парижскую кулинарную школу?

— Да. *Oui*. Но код...

Его темные глаза заблестели.

— Конечно. Позвольте мне. — Когда он приблизился, она уловила крепкий душок. Он заметил, как наморщился ее нос, и рассмеялся. — Козий сыр, *mademoiselle*. Для школы.

Разумеется. Дабы скрыть свое смущение, она вступилась за себя по-французски:

— Прекрасно. Я люблю козий сыр. Особенно крепко пахнущий.

Он слегка приподнял брови, и Габи с некоторым удовольствием отметила, что ее идеальный французский его удивил. Но он ничего не сказал, лишь быстро одарил ее улыбкой и набрал код. Дверь со щелчком открылась, и мужчина придержал ее для Габи. Затем он направился к лифту, но она прошла мимо.

¹ Здесь: все в порядке? (*фр.*)

Она не была в восторге от узких деревянных лифтов, встречающихся в старых французских жилых домах. Вместо этого она поднялась по лестнице, перепрыгивая две ступеньки за раз, забавы ради, и добралась до нужного этажа почти без одышки. Хоть какое-то редкое преимущество от последних нескольких месяцев. Она начала бегать каждое утро, чтобы передохнуть от гнетущих мыслей, и в результате пришла в форму.

Рядом с входной дверью школы на третьем этаже находился звонок. На его звук практически сразу откликнулась юркая молодая брюнетка с айпадом в руках. Она представилась: «*Ясмин Берада, персональный ассистент мадам Сильви Морель*», — на безупречном английском и лишь на мгновение выказала удивление, когда Габи ответила ей на беглом французском, тоже, в свою очередь, представившись и извинившись за опоздание.

— Никаких проблем, — плавно промурлыкала Ясмин на французском, пропуская ее внутрь. — Ничего еще не началось. А теперь, будьте добры, оставьте свои туфли здесь, — продолжила она, — и наденьте любую пару. — Она указала на стойку с черными слипонами на мягкой подошве. — Я буду очень вам признательна.

— Разумеется. — Габи сняла свою обувь и выбрала пару подходящих по размеру слипонов. Взглянув на золотой скрипящий паркет, она поняла, почему организаторы не хотели, чтобы люди расхаживали здесь в уличной обуви. И хотя слипоны не выглядели слишком уж элегантно в сочетании с ее темно-красной юбкой, от них ее ноги устанут гораздо меньше, чем от ее ботинок на каблуках, особенно если она будет часами стоять на кухне.

Когда она переобувалась, мужчина, впустивший ее в дом, прошел в холл, на этот раз без коробки. Он кивнул Ясмин и одарил Габи очередной ослепительной улыбкой.

— Надеюсь, сыр будет соответствовать вашим высоким стандартам, мадмуазель, — сказал он по-французски. — И если захотите еще, приходите навестить меня на рынке Бастилии — я бываю там каждый четверг и воскресенье!

— Пожалуй, я могла бы прийти к вам, — ответила Габи, — если сыр окажется качественным. Или же если мне понадобится пожаловаться на него!

«Я флиртую, — подумала она, — а я не флиртвала годами». Она уже позабыла, как это весело. Особенно в Париже, где каждый понимает, как работает флирт. Никаких обязательств, просто наслаждение моментом.

Он рассмеялся.

— Обязательно, мадмуазель. — А затем, весело попрощавшись с ними обеими, он ушел, звонко хлопнув за собой дверью.

Словно предвосхищая вопрос Габи, Ясмин произнесла:

— Это Макс. Он несколько *оригинален*. — Такая характеристика личности использовалась французами как с одобрением, так и без него. Тон Ясмин оставался нейтральным, поэтому Габи не была уверена, что скрывается за ее репликой.

Ассистентка отвела Габи в кладовую, по обеим сторонам которой в ряд выстроились полки, а в конце стояли шкафчики. На полках находились всевозможные кухонные принадлежности — фартуки, полотенца, салфетки, скатерти — а также большие коробки с пекарской бумагой, алюминиевой фольгой и одноразовыми перчатками.

— Все, что вам не понадобится, вы можете оставить в ящике, — указала Ясмин, — ключ всегда будет при вас. И возьмите фартук и перчатки.

Габи покорно сняла свой объемный кардиган и заперла его вместе с поясной сумкой в безопасном месте. Из стопки

фартуков она выбрала веселый в цветочек, который был не только практичным, но и хорошо выглядел поверх ее черного топа. На фартуке также был передний карман, в который она припрятала пару перчаток. Затем, последовав за Ясмин, она вышла из кладовой и спустилась в холл.

Когда они вошли в огромную кухню, Габи в первую очередь обратила внимание на золотой свет. Солнечные лучи лились через окно, высвечивая внутри мягкие тона — оттенки дерева, пробкового материала и кафеля. Она скорее готовилась к безликой первозданности белого цвета и сверкающей стали, а не к этой теплой, камерной атмосфере. Выглядело всё так, будто она оказалась на чьей-то домашней кухне — если закрыть глаза на размеры помещения, на две аккуратно расположенные плиты со стеклянными крышками и двойные раковины, двухдверные холодильники, встроенные в ниши, и полку с профессионально выглядящими кухонными принадлежностями. С одной стороны комнаты находилась огромная зона для хранения с двойными дверями, а над ее входом висела картина, изображающая сцену на рынке: она была примитивна, но полна цвета и энергии. Кухню одновременно пропитывало ощущение покоя и радостной суеты, отчего Габи воскликнула:

— О, какая великолепная комната!

— Да, — улыбнулась Ясмин. — Она вдохновлена кухней в доме бабушки и дедушки Сильви, где она, еще будучи ребенком, впервые начала готовить. Конечно, с обновленным оборудованием, но во всех прочих отношениях — с той же *атмосферой*. И это лежит в основе всего, что мы здесь делаем.

— Это чувствуется, — тихо проговорила Габи, и ее пронзила острая боль, когда она подумала о кухне в доме ее родителей — о том, как ее окутывала теплая суета практич-

ной красоты и домашних радостей. — А Сильви использует эту кухню вне занятий?

— О, разумеется. Сильви живет в этом здании. Как и ее сын, Жюльен, когда он здесь. Но пойдете, — произнесла Ясмин, — давайте поищем остальных. — Она придержала дверь в конце кухни, за которой раздавался гул голосов. Глубоко вдохнув, Габи последовала за ней в другую огромную симпатичную комнату, в центре которой стоял длинный дубовый обеденный стол, а чуть дальше — буфет, над которым висела репродукция картины Клода Моне, изображавшая людей, сидящих вокруг стола и наслаждающихся трапезой¹. За настоящим столом также расположились люди, но они не ели, а разговаривали.

В прошлом Габи имела репутацию экстраверта, способного уверенно зайти в любую комнату, полную незнакомцев. Это была лишь ее маска. Сегодня, когда она, поприветствовав остальных присутствующих, заняла последнее свободное место, ей приветливо кивнули, а затем снова завязалась болтовня, и она расслабилась и незаметно окинула взглядом всю группу. Всего присутствовало восемь человек: четверо мужчин и четыре женщины, включая ее саму. Дверь в конце комнаты открылась, и вошли еще двое.

Было очевидно, кем являлись новоприбывшие, поскольку их с Ясмин имена и лица отображались на сайте Парижской кулинарной школы. В своей простой белой футболке, черных брюках и фартуке в зеленую и белую полоску, с каштановыми волосами, убранными назад в густую косу, Сильви Морель удавалось выглядеть одновременно практично и стильно. У ее ассистента и по совместительству

¹ Скорее всего, речь идет о картине Клода Моне «Обед» (*Le Déjeuner*).

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Бомон Софи

КУЛИНАРНАЯ ШКОЛА В ПАРИЖЕ

Ответственный редактор *Д. Захарченко*
Литературный редактор *В. Барсукова*
Художественный редактор *В. Кольшиева*
Технический редактор *Л. Сеницына*
Корректоры *А. Брусник, Л. Асанова*
Верстка *В. Брызгалова*

В оформлении обложки использованы иллюстрации
© alenasav4 / shutterstock.com; © white shama / shutterstock.com

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.08.2025.

Формат 60 × 84¹/₁₆, Гарнитура «Minion Pro».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,32.

Тираж 2000 экз. Т-НСН-38090-01-Р. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел.: (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

